

На вопросы редакции отвечает
**профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
руководитель НОЦ «Центр правовых
исследований искусственного
интеллекта и цифровой экономики»,
доктор юридических наук
Юлия Сергеевна ХАРИТОНОВА**

ЮРИСТУ СЕЙЧАС НЕ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ЗНАНИЯ БАЗОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

— Как складывается ситуация с нормативным регулированием оборота цифровых активов?

— Цифровые активы — это очень широкое понятие. Например, сейчас многие слышат про криптовалюту, но толком не представляют себе, что это такое, как с ней взаимодействовать. И бизнесмены, и граждане проходят путь знакомства с этим объектом вслепую. Для пользователей, может, и не важно понимать его правовую природу, но, судя по тем попыткам, которые предпринимаются в разных государствах в целях регулирования оборота цифровых активов, заметно, что это новое и быстро развивающееся явление, сущность которого не до конца осознается не только получателями и пользователями услуг, но и законодателями, юристами. Если обратить взор на российские попытки регулирования сферы цифровых объектов, то наибольшее затруднение в профессиональной среде вызывает тот факт, что законодатель стремится уйти от технологических терминов, единства терминологии.

С одной стороны, все понимают, что регулирование создавать нужно, но различие в подходах к терминологии в разных нормативных актах усложняет ситуацию. И все же, невзирая на эти трудности, я прихожу к выводу о том, что в более выигрышной ситуации находятся те государства, в которых есть нормативное регулирование цифровых активов, в отличие от тех, у кого это явление оставлено на самотек или на усмотрение исполнительной власти. Рынку нужна определенность.

— Что мы сейчас имеем в виду, когда говорим о цифровых активах?

— У нас действуют два основных закона: о цифровых финансовых активах¹ и о краудфандинге². Они регулируют цифровые активы, оборот которых осуществляется на специализированных цифровых платформах. То есть на законодательном уровне у нас урегулированы не все виды цифровых активов, и даже при широком толковании этого понятия не все цифровые объекты могут считаться цифровыми активами. Например, в судебной практике есть случаи, когда суды рассматривают в качестве цифровых активов информацию, включающую в себя логины, пароли, электронные кошельки, сайты. Да, с экономической точки зрения все это можно рассматривать как активы, если исходить из того, что актив представляет собой любой объект или явление, имеющие ценность в обороте. Но в юридической науке к цифровым активам сейчас относятся цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, как они определены в соответствующих законах, цифровая валюта, а также персональные данные, личные аккаунты и виртуальное игровое имущество (виртуальная собственность).

— Виртуальная собственность как вещное право?

— Это понятие, уже достаточно устоявшееся в науке, но вряд ли его можно соотносить с традиционным

понятием собственности в праве. Я, конечно, с уважением отношусь к тем, кто пытается доказать, что это собственность в классическом значении вещного права, но мне кажется, что правильнее идти по пути самостоятельного регулирования данного явления, которое наверняка будет связано еще с какими-то правовыми надстройками (лицензиями, разрешениями), но точно не с традиционным правом собственности на вещи.

— Владение цифровыми активами и возможность их использования зависят от внешних факторов, в частности электроснабжения. Не ставит ли это всю систему цифровых прав в зависимость от внешних условий, на которые собственник повлиять не может? Достаточно ли она устойчива для того объема финансов, которые сейчас вкладываются в цифровые активы?

— Что касается электричества и технической инфраструктуры, надо вспомнить, что наши безналичные денежные средства существуют в другой реальности, и хоть мы все еще зависим от розетки и использования иных технических решений в области энергетики, сегодня это все же основной способ расчетов и хранения денег. Да, без средств связи, выхода в Интернет реализовать какие-то права будет крайне трудно, но это в случае самого негативного сценария нашего будущего. Конечно, уже сейчас мы сталкиваемся с тем, что определенные услуги можно получить только с использованием цифровых сервисов. Например, делегация МГУ недавно была в Китае, где мы на себе почувствовали, что без определенных приложений, без привязки банковских счетов, наличия национального ID многие блага цивилизации оказываются недоступными. Но я не отношусь к пессимистам, думаю, что «цифра» будет развиваться, и все эти вопросы рано или поздно решатся для каждого.

Коль скоро мы решили проблему с электричеством и Интернетом, то встает следующий вопрос: привязаны ли вообще цифровые активы к реальному миру? Я предлагаю смотреть на цифровую экономику как на один из секторов экономики, в котором присутствуют как оборот исключительно виртуальных объектов в виртуальном мире, так и оборот реальных объектов, которые трансформируются в цифровые модели, в частности токены, позволяющие упростить оборот объектов, существующих в реальности. Те же самые цифровые финансовые активы предназначены для

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — *Прим. ред.*

² Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — *Прим. ред.*

оборота объектов (капитала компании), существующих в реальном мире, позволяют получить доступ к финансам, расширить возможности компаний по привлечению, например, мелких инвесторов, которые никогда не смогли бы себе позволить купить акции или долю в уставном капитале хозяйственного общества по полной цене. Еще один вариант вовлечения реальных объектов в цифровой мир — выпуск токенов на недвижимость. Мы можем сколь угодно долго рассуждать, что это за явление с точки зрения права, но рынок оборота таких токенов уже складывается и вызывает интерес. Можно вспомнить законодательство Лихтенштейна³, где разрешено токенизировать абсолютно любой объект — по их терминологии, любой объект может быть «накрыт цифровым контейнером». Например, в России группа «Самолет» сейчас уже проводит эксперимент по продаже токенов на платформе «Атомайз»⁴ для привлечения инвестиций в недвижимость. Понятно, что это пилотный проект, но нужно сказать спасибо тем, кто рискует и развивает данный рынок в российской юрисдикции. Правда, сейчас реализация таких проектов никак не связана с системой регистрации прав на недвижимое имущество, и, пока требования этих систем не будут взаимосвязаны между собой, риски заключения подобных сделок будут высокими, а защита прав инвесторов будет хромать. Дальше встанут вопросы о том, как пользоваться или управлять токенизированным имуществом в реальности. Например, как и кто будет пользоваться автомобилем, права на которые принадлежат нескольким лицам в виде токенов.

— То есть надо совершенствовать систему учета прав на недвижимое имущество, да и на движимое, получается, тоже?

— Да, надо «докрутить» законодательство о регистрации прав на недвижимость и регулирование в других сферах. Аналогичные проблемы разрыва систем регулирования есть и в других областях. Например, в сфере регистрации прав на объекты интеллектуальной собственности, которая также не стыкуется с законодательством о цифровых правах.

³ Закон Лихтенштейна о токенах и организациях, предоставляющих услуги на основе доверенных технологий (*Token and TT Service Provider Act — TVTG*). — Прим. ред.

⁴ Цифровые метры от Самолет. URL: <https://samolet.ru/purchase/token/> (дата обращения: 24.08.2023). — Прим. ред.

— Если цифровые активы используются в качестве инструмента для подтверждения прав на что-то, то, может быть, это новый вид ценных бумаг?

— Строго говоря, цифровой актив в том виде, как он урегулирован в нашем законе, не является ценной бумагой. Центральный банк при разработке Закона о ЦФА⁵ даже акцентировал внимание на том, что цифровой финансовый актив — это не ценная бумага, и специально всячески избегал использования этого термина в данном нормативном акте. В результате терминология Закона о ЦФА приобрела уникальный характер, никак не связанный с законодательством о ценных бумагах, хотя по сути речь в нем идет о деривативах и цифровых ценных бумагах, определенных в законе как права участия в капитале непубличного акционерного общества. Если посмотреть на опыт Комиссии по ценным бумагам США, то она тоже не стремится все цифровые активы считать ценными бумагами, и только если в них присутствуют признаки прав на получение дивидендов или дохода от инвестиций, — а признаки эти устанавливаются обычно при помощи применения теста Хауи (англ. *Howey Test*), — они берут под свой контроль выпуск и оборот таких активов.

— Можно ли токенизировать право на сайт?

— В идеале, как я себе представляю эту конструкцию, да. Я не занималась этим вопросом специально в контексте российского права, не исследовала, может ли токен принадлежать нескольким лицам, но протокол блокчейн технически это позволяет. *NFT* на такие объекты выпускают. Нормативного регулирования для этого сейчас в России нет, все осуществляется по правилам конкретной платформы.

— Можно ли сказать, что цифровые платформы — новый субъект права?

— Платформа — это всего лишь инфраструктура, создать ее может не каждый, надо обладать определенными технологическими мощностями, решениями. Они могут создаваться как поисковые системы, плат-

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Прим. ред.

форма привлечения инвестиций, социальная сеть, иные модели ведения бизнеса в Интернете. Платформа как инструмент принадлежит какому-то субъекту. В российском законодательстве это оператор платформы, к которому предъявляются определенные требования, и он же несет ответственность за соблюдение ограничений, установленных в отношении деятельности с использованием цифровых платформ. Понятно, что оператора контролировать проще, а ему, в свою очередь, проще контролировать действия пользователей платформы. Мы изучали китайский опыт, там сейчас очень жестко регулируется ответственность операторов платформ за использование искусственного интеллекта (ИИ). Пристальное внимание юристов привлечено к использованию рекомендательных алгоритмов на базе ИИ для влияния на поведение пользователей платформ. Поэтому активно создаются правила, регламентирующие порядок использования таких алгоритмов, и отвечать за их соблюдение будут операторы. У нас в конце июля приняты изменения в Закон об информации⁶, которыми также вводятся ограничения на использование рекомендательных технологий и ответственность за несоблюдение новых требований в отношении владельцев информационных ресурсов (сайтов, платформ и т.п.). Операторы платформ, действующих на рынке ЦФА и утилитарных прав, подлежат регистрации в реестре, который ведет Банк России. Фигура оператора платформы позволяет распространять контроль на рынок через единое лицо, аккумулирующее необходимые данные о каждом движении пользователя.

— **Оператор платформы — это всегда юридическое лицо?**

— Операторами платформ ЦФА и привлечения инвестиций согласно закону могут быть только юридические лица. В других случаях теоретически это может быть физическое лицо, но представить такое трудно, потому что создание платформ и цифровых экосистем требует значительных вложений и ресурсов, которыми физическое лицо, как правило, не обладает. Разве что переложить ответственность на физическое лицо, выставив его номинальным

владельцем платформы, но, мне кажется, это крайне затруднительно и странно.

— **Может ли считаться легитимным объектом гражданского оборота цифровой актив, созданный с нарушением закона? Например, созданный на майнинговой ферме при незаконном подключении к электрической сети?**

— Думаю, здесь будет применяться разное законодательство для решения разных вопросов. Если рассматривать незаконный майнинг как незаконное предпринимательство или кражу электроэнергии, то это может представлять собой преступные действия и повлечь уголовную ответственность. А вот судьба того, что намайнили, будет зависеть от юрисдикции использования. У нас оборот цифровых активов и инвестиции в них осуществляются на конкретных цифровых платформах, под их контролем. По состоянию на сегодня зарегистрировано 73 оператора платформ в реестре ЦБ РФ⁷. Это не продажа грибов у дороги, ты не можешь просто зайти на платформу и предложить к продаже неизвестный платформе актив. Если обладатель актива сможет его реализовать за пределами наших платформ, то это будет уже в другой юрисдикции, что отсекает возможности контроля за его оборотом. Чаще всего майнят криптовалюту, оборот которой подчиняется другим юрисдикциям. Скорее всего, выпущенные таким образом активы будут вращаться на рынке, и вряд ли кто-то будет смотреть, не было ли возбуждено уголовное дело в юрисдикции их создания в связи с незаконным получением доступа к ресурсам.

— **А если будет произведена конфискация таких активов?**

— С конфискацией действительно есть трудности. И чаще мы с ними сталкиваемся не в связи с уголовными делами о незаконном майнинге, а в рамках обычного исполнительного производства по гражданским делам. Например, в отношении цифрового рубля в законе определен порядок обращения взыскания, но в остальных случаях этот вопрос не решен. В рамках

⁶ Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». — Прим. ред.

⁷ Реестр операторов инвестиционных платформ по состоянию на 23.08.2023. URL: https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_invest_platform_op.xlsx (дата обращения: 24.08.2023). — Прим. ред.

уголовного преследования можно выявить наличие цифровых активов, а вот изъять их или арестовать практически невозможно, так как для этого у следователей и приставов должны быть специальные счета, криптокошельки. Сейчас порядок открытия подобных счетов законодательно не урегулирован, а по своей инициативе ни следователь, ни пристав их открыть, конечно, не смогут. Еще один слабый момент — залоги. Принудительно исполнить залог цифрового актива сложно, поскольку нужно добиться соответствующего списания и зачисления куда-то этого актива. Даже несмотря на то, что в Законе о ЦФА залог упомянут, реализовать его затруднительно. Много нерешенных вопросов возникает и оттого, что они часто встречают непонимание со стороны платформ. Мы общались с некоторыми платформами в частном порядке, например, в связи с вопросами, возникающими при открытии наследства, но операторы платформ и их работники оказались не готовы взаимодействовать с нотариусами, о наследственном правопреемстве операторы платформ даже не думали. Они слишком молоды. Не на все случаи у нас есть правила и не на все вопросы пока есть ответы в области цифровых активов. Утешает только то, что недавний опрос нотариусов в Италии показал, что они тоже не знают, что делать в такой ситуации. То есть спрос есть, активы есть, но недоработки, связанные с вопросами легализации даже не самого актива, а способов его использования, во многих случаях еще остаются.

— **Доступ к таким активам обеспечивается знанием пароля. Кто знает пароль, тот активом и владеет. Никто не спросит, откуда у него пароль, как он его получил, поэтому можно в блокноте на столе написать для наследников — вот и все решение проблем. Может, поэтому нет запроса на законодательное регулирование отдельных вопросов использования цифровых активов?**

— Мы к решению, как передавать средства на банковских счетах по наследству, шли долго, и только сейчас процедура наладилась. Будут ли заинтересованы участники рынка цифровых активов в урегулировании контроля за передачей доступа к цифровым активам — пока еще вопрос. Сейчас не регулируются вопросы посмертной передачи цифровых активов и защиты персональных данных при передаче. Аккаунт регистрируется на конкретное лицо, тайна частной жизни не может быть нарушена

и должна защищаться даже от родственников и иных лиц, в том числе и после смерти владельца. Баланс соблюдения интересов участников таких отношений еще не найден. Поэтому если кто-то вкладывается в цифровые активы, умирает и наследники не могут получить доступ к соответствующей информации, то практически итог у этой истории будет такой же, как в случае с потерянными паролями от биткоинов. Я вспоминаю выступление одного из представителей швейцарского нотариального сообщества на ПМЮФ где-то в 2019 году, когда он говорил, что «у хорошо организованного человека все пароли записаны в одном месте». Тогда над этими словами посмеялись. Есть и проблема распоряжения цифровыми активами на будущее. Логин и пароль поменять проще, чем заключить сделку. В некоторых государствах в связи с этим появился рынок услуг, позволяющий сохранять актуальность данных логина и пароля для цифровых активов, передаваемых по наследству. Например, в Нидерландах нотариусы предлагают организацию хранения всех значимых паролей и логинов, в том числе все их изменения, в специальном контейнере, для чего устанавливается специальная программа, и сохраненная с ее помощью информация будет передана в последующем тому, кого укажет заказчик услуги — наследодатель.

— **Тут напрашивается аналогия с регистрацией прав на акции. Может быть, мы когда-то дойдем до того, что оборот цифровых активов будет сопровождаться обязательной регистрацией?**

— Определенные шаги в этом направлении уже делаются. Прежде всего в рамках налогового законодательства и законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Государственный контроль за операторами платформ позволяет добиваться того, что в какой-то степени это законодательство работает на международном уровне, и уже не важно, где производятся активы и кто является оператором. Даже в нынешней ситуации эти соглашения исполняются. Что касается налогового законодательства, в России установлена обязанность по декларированию сведений о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. Также в Законе о ЦФА указано, что требования, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования

о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с ней в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Эту норму можно толковать и таким образом, что если ты хочешь получить защиту в отношении цифрового актива, криптовалюты прежде всего, то должен подать декларацию для подтверждения обладания этим имуществом. На практике, на мой взгляд, это нерабочая схема, поскольку распорядиться активом можно за несколько минут, и тот факт, что ты его декларируешь раз в год, вряд ли даст реальную защиту. Но возможность такая есть.

— Как фиксируется право на цифровой актив в рамках наследственной массы?

— Обычно нотариусы отказываются включать такие активы в наследственную массу, за исключением цифровых прав, урегулированных в законе, например ЦФА. Но тут мы столкнемся с проблемой легализации всей процедуры. Нотариус попросит подтвердить права на цифровой актив документами. На платформе вопрос выдачи документального подтверждения владения цифровыми активами обычно не урегулирован. Показывать нотариусу кошелек с отраженными в нем активами бессмысленно, так как это не имеет юридического значения. Поэтому ввести актив в оборот, легализовать его за пределами платформы в данном случае будет возможно, только если платформа выдаст соответствующую выписку. Но тот, кто захочет получить доступ к этим активам, тот к платформе и вернется. Поэтому встает вопрос: нужно ли вообще включать в эту систему отношений нотариусов? Понятно, что это дополнительные гарантии защиты прав на цифровые активы, но система блокчейн и распределенные технологии в какой-то части могут заменить функцию нотариуса.

— Для наследственного права кажется также важным вопрос о возможности реализации воли наследодателя оставить цифровой актив конкретному наследнику, оформив завещание. Нотариусы при оформлении завещания откажут во включении такого актива в него?

— Да, как я уже сказала, сейчас у нотариусов нет соответствующих инструментов. Они не могут записать в завещание то, на что нет подтверждения

прав, принять в депозит цифровой актив, так как у них нет цифрового кошелька и т.п. Поскольку нотариус официальное лицо, вся процедура должна быть расписана для каждого случая в нормативном акте.

— Недавно ЦБ РФ объявил о внедрении цифрового рубля. Это новый вид денег или это техническое усовершенствование традиционной формы денежных расчетов? Цифровой рубль — альтернатива криптовалюте?

— Да, криптовалюта — цифровой актив, потому что она покупается и продается, несмотря на наши юридические дискуссии. На мой взгляд, это и средство платежа, она применяется в этом качестве во многих государствах, и число их растет. Во многих странах можно расплатиться криптовалютой вполне официально. Цифровые валюты центральных банков появились в противовес криптовалюте, чтобы государства смогли не потерять контроль за эмиссией и денежной массой, но это все же история очень специфическая, поскольку такая валюта выпускается государствами под свою ответственность. Мы можем посмотреть на обширный опыт Китая в этой области. Китай сразу определился, что не хочет отдавать инициативу в вопросах выпуска цифровой валюты и хочет контролировать весь процесс ее оборота. Россия пошла по сути по тому же пути. Центральный банк РФ создает новую форму денег, но она ничем не отличается от наличных и безналичных денежных средств. Цифровой рубль меняется один к одному с традиционным рублем, просто технологически мы по-другому будем с ним взаимодействовать — через Центробанк. Получается, что он отличается от криптовалюты по функциональному назначению и технической сути тоже.

— Если рассмотреть вопрос развития цифровой экономики с позиции соблюдения прав граждан, не получается ли, что возможности доступа к цифровым активам, цифровым правам значительного числа граждан ограничены сейчас?

— Я не ручаюсь за точность последних данных, но в соответствии с проектом «Цифровая экономика» у нас обеспечено связью и доступом в Интернет до 90% всей территории. Я думаю, что история с цифровизацией экономики похожа на процесс перехода от наличных расчетов к безналичным. Например,

в некоторых организациях уже не ведутся наличные расчеты. Есть, конечно, группы граждан, которые либо не хотят, либо не могут в силу возраста, например, пользоваться цифровыми технологиями, но здесь мы сделать ничего не сможем. Стоит подчеркнуть, что юристы стараются создавать некую систему сдержек и противовесов в этом плане. С точки зрения права всегда должна быть сохранена возможность выбора формы взаимодействия и возможность отказаться от такой формы, даже если речь идет о цифровой сфере жизни граждан. Для этого сейчас созданы все условия, например можно обратиться к portalу Госуслуг, а можно отправиться в МФЦ. На это же направлен упомянутый закон о рекомендательных системах — платформы не смогут навязывать выбор, в целом закреплено право отказаться от рекомендаций платформ. Мы не упоминали онлайн-платформы судов, но это то же направление, когда государство предоставляет возможность выбора формы взаимодействия в рамках обеспечения доступа к правосудию для различных социальных групп.

— **У нас в апрельском номере была статья Ирины Кашкаровой, в которой она пришла к выводу о том, что суды стали чаще заставлять стороны проводить заседания онлайн, и факт такого злоупотребления сложно выявить.**

— Это говорит о том, что мы находимся на том уровне, когда первичное внедрение технологий в нашу, в том числе правовую, реальность произошло, и мы уже можем выявлять проблемы следующего уровня, например дискриминации со стороны судебной системы, государственного управления. Права, которые мы закрепляем сейчас в законах, — право отказаться от рекомендаций, выбрать форму взаимодействия, прийти лично — это как раз результат того, что мы признаем, что у более сильной стороны на цифровой платформе есть возможность манипулировать пользователями. Мы осваиваемся в новом цифровом мире и видим, что есть новые вызовы, которые требуют решения.

— **Нужно ли нам цифровое право как отдельная отрасль?**

— Сложный вопрос для нашего правоведения. Я считаю, что да. Но мне легко отвечать на него, так как я полагаю, что во всем мире направления, связанные с цифровым правом, — это проекты вокруг разных отраслей бизнеса, технологических решений. Право едино и делить его на отрасли в том понимании, как это сейчас происходит, наверное, можно только для целей дидактики. Запрос от юридического сообщества идет не на то, чтобы мы рассматривали отрасли, как их Вышинский придумал когда-то, а для того, чтобы мы их рассматривали с позиций практики и нужд междисциплинарных научных исследований. Например, не затрагивая вопросы публично-правового регулирования, мы про ЦФА в рамках гражданского права говорить не можем. Поэтому даже если говорить о цифровом праве как отдельном направлении в юриспруденции, то оно не будет оторвано от гражданского, налогового и других областей права, а, наоборот, будет вбирать в себя разные нормы и будет конкретизировано под конкретную технологию модели бизнеса, реализации государственных услуг, использования ИИ и т.п.

— **Нужно ли юристов учить техническим знаниям, программированию например, чтобы они стали специалистами в области цифрового права?**

— Я за то, чтобы учить пониманию, как работают технологии. Если ты не понимаешь, как устроен блокчейн или ИИ, ты попадешь в ловушку, когда не сможешь предложить клиенту что-то важное либо упустишь нарушение и т.п. Юристу сейчас никак не обойтись без знания базовых технологий, например нельзя не знать о том, как устроены машиночитаемые доверенности, что делать, чтобы получить ключи, что делать с ключами, как защитить информацию. Сегодня эти технологические решения должны быть известны даже студенту, и я вижу, что уровень знаний входящих студентов в этой сфере, цифровая грамотность гораздо выше, чем было несколько лет назад.®